

О ЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ФИЛОСОФСКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА»

В «Критике чистого разума» Канта содержатся замечательные попытки построения философских доказательств, удовлетворяющих строгим требованиям логики. Значение этих попыток в полной мере еще не оценено (в этом плане представляют интерес работы И. С. Нарского о Канте, например: Нарский И. С. Западноевропейская философия XIX века. Гл. I. М., 1976). Мы попытаемся проанализировать два небольших, но важных отрывка из «Критики чистого разума», демонстрирующих логическую структуру философских доказательств, предложенных Кантом. Один из них рассматривает понятие существования, во втором излагается кантовский способ разрешения антиномий.

Понятие существования Кант начинает исследовать с обсуждения вопроса о том, как можно отвергать утверждения, необходимые в некотором смысле. «Если в тождественном суждении я отвергаю предикат и сохраняю субъект, то возникает противоречие... Но если я отвергаю субъект вместе с предикатом, то противоречия не возникает, так как *не остается уже ничего*, чему что-то могло бы противоречить. ...Суждение *бог всемогущ* есть суждение необходимости. Полагая божество, т. е. бесконечную сущность, нельзя отрицать всемогущество, понятие которого тождественно с понятием божества. Но если вы говорите, что *бога нет*, то не дано ни всемогущества, ни какого-нибудь другого из его предикатов, так как все они отвергаются вместе с субъектом, и в этой мысли нет ни малейшего противоречия» (3, 518—519). Это весьма убедительное замечание Канта.

Затем Кант переходит к самому важному вопросу — как выразить понятие существования. «Ясно, что бытие не есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи... В логическом применении оно есть лишь связка в суждении. ...Если я беру субъект (бог) вместе со всеми его предикатами... и говорю: *бог есть...*, то я не прибавляю никакого нового предиката к понятию бога...» (3, 521).

Отсюда Кант делает следующий глубокий вывод: если существование не является предикатом, то бессмысленны попытки вывести существование бога из способа его описания, т. е. из совокупности предикатов, приписанных богу. Однако вопрос о том, является ли существование предикатом, оказался более

сложным, чем это представлялось Канту. Логика в дальнейшем обратила на этот вопрос пристальное внимание.

Не вдаваясь здесь в технические детали, отметим, что «существование» при определенных условиях можно выразить предикатом, но предикатом особого рода, включающим в себя логическую связь (квантор существования) и собственно предикат равенства. В построении этого предиката, таким образом, идея периодизируемости существования реализована, по крайней мере, наполовину. Поскольку, далее, предикат существования является особым, то он, как справедливо отметил Кант, не входит в обычное описание вещи посредством предикатов.

Свойства предиката существования изучаются ныне в специальной логике существования (экзистенциальной логике). В отличие от стандартной теории квантификации с равенством, в этой логике индивидуальная область предикатной интерпретации может быть пустой, поэтому выражения вида «существует $y(x) = (y)$ », или « x существует», в ней недоказуемы. Это значит, что утверждения о существовании должны использоваться в качестве самостоятельных независимых посылок при описании объектов — в соответствии с «Критикой чистого разума» Канта. Но в этом смысле как раз «существование» оказывается особым предикатом!

Соответствующий раздел «Критики чистого разума» может рассматриваться ныне как одна из первых глубоких работ по логике существования, в которой великим философом была сделана успешная попытка применения идей этой логики к анализу трудной философской проблемы (Кантом была показана несостоятельность известных доказательств существования бога).

Весьма глубокие доказательства в «Критике чистого разума» связаны у Канта с антиномиями космологической идеи. Мы не будем анализировать здесь доказательства тезисов и антитезисов антиномий (это тема самостоятельного исследования), но рассмотрим лишь способ, каким Кант стремился разрешить свои антиномии. С нашей точки зрения, способ разрешения антиномий, предложенный Кантом, не менее поучителен в логическом плане, чем сами антиномии.

Кант, как известно, придавал большое значение своим антиномиям, сформулированным в «Критике чистого разума», но не потому, что усматривал в них собственно диалектическое содержание (в более позднем гегелевском смысле), а скорее в силу того, что видел в них путь, ведущий к «трансцендентальному идеализму». Идея этого пути изложена им кратко в следующих словах: «Кажется совершенно ясным, что если один утверждает *мир имеет начало*, а другой — *мир не имеет начала*, а существует вечно, то один из них должен быть прав. Но в таком случае, поскольку ясность аргументации и тут, и там одинакова, невозможно когда-либо узнать, на чьей стороне правда... для основательного завершения спора, которое удов-

летворило бы обе стороны, остается лишь одно средство: окончательно убедить их, что, поскольку они обе так хорошо опровергают друг друга, предмет их спора — ничто, и лишь некоторая трансцендентальная видимость нарисовала им действительность там, где ее нет» (3, 457—458).

Для решения поставленной задачи Кант формулирует известное в логике различие между двумя видами отрицания. Предложение (пример Канта): (1) *тело хорошо пахнет* можно отрицать двумя способами: (1а) *тело пахнет нехорошо* и (1б) *неверно, что тело хорошо пахнет*.

Между этими отрицательными предложениями имеется существенное различие, которое проявляется при сопоставлении с исходным предложением (1). В паре предложений (1), (1б) одно предложение истинно, а другое ложно. В отличие от этого, в паре (1), (1а) оба предложения могут быть ложными, ибо существуют такие тела, которые вообще не пахнут.

Согласно терминологии Канта, предложения пары (1), (1а) находятся в отношении «диалектической» противоположности, а предложения пары (1), (1б) — в отношении противоположности «аналитической». «Следовательно, два диалектически противоположных друг другу суждения могут быть ложными» (3, 459).

Затем Кант переходит к рассмотрению первой антиномии, состоящей, как известно, из следующих двух предложений: (2а) *мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве*; (2б) *мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве*.

Поскольку, полагал Кант, предложения (2а) и (2б) доказаны им с одинаковой убедительностью (для них, по его мнению, существуют равносильные доказательства), то антиномия возникает только в том случае, когда пара предложений (2а), (2б) находится в отношении аналитической противоположности: в этом случае одно из них истинно, а другое ложно, хотя они оба одинаково убедительны (одинаково доказательны). Именно такова как раз по структуре первая антиномия чистого разума (мы ограничиваемся рассмотрением одной только первой математической антиномии, поскольку в интересующем нас плане остальные антиномии построены аналогично). Для возможности устранения этой антиномии надо, по Канту, показать, что пара предложений (2а), (2б) находится в отношении «диалектической», а не «аналитической» противоположности.

Наметив этот план, Кант приступает к выяснению условий, при которых указанная пара предложений образует «диалектическую» противоположность. Несложный анализ показывает, что если (2б) есть предложение *мир бесконечен*, то предложение (2а) должно утверждать в этом случае, что *мир конечен* (а не *неверно, что мир бесконечен*). В предложении *неверно, что мир бесконечен* «я только отрицаю бесконечный мир, не по-

лагая другого, а именно конечный мир. Если же я говорю, что мир или бесконечен, или конечен, то оба эти суждения могут быть ложными» (3, 459).

До сих пор все рассуждения Канта о разрешении им первой антиномии остаются в сфере сравнительно элементарной логики. Но при этом остается невыясненным главный вопрос: какие философские предпосылки мы используем, когда отрицательное предложение *неверно, что мир не бесконечен* мы заменяем утвердительным предложением *мир конечен*? Кант прекрасно понимает, что, когда речь идет о бесконечности, использование логического закона снятия двойного отрицания сомнительно, так что на него ссылаться нельзя.

По мнению Канта, ответ на этот вопрос следующий. Формулируя первую антиномию как пару предложений (*мир бесконечен, мир конечен*) и допуская, следовательно, что оба члена этой пары могут быть ложными, мы допускаем тем самым, что «мир вовсе не дан как вещь в себе и, стало быть, не дан ни как конечный, ни как бесконечный по своей величине» (3, 459).

В этой фразе переход *стало быть* требует объяснения. Кант предлагает такое объяснение: «Кто рассматривает суждения *мир по своей величине конечен и мир по своей величине бесконечен* как находящиеся в отношении противоречащей (т. е. аналитической — В. К.) противоположности, тот предполагает, что мир (весь ряд явлений) есть вещь в себе. В самом деле, мир остается, если бы я и отрицал бесконечный или конечный регресс в ряду его явлений. Если же я устраню эту предпосылку или эту трансцендентальную видимость и стану отрицать, что мир есть вещь в себе, то противоречащая противоположность этих утверждений превратится в чисто диалектическую противоположность, и так как мир вовсе не существует сам по себе..., то он не существует ни как *само по себе бесконечное целое*, ни как *само по себе конечное целое*. Он существует только в эмпирическом регрессе ряда явлений... который никогда не дан абсолютно целиком, ни как конечный, ни как бесконечный» (3, 460).

Но это рассуждение Канта некорректно, ибо для объяснения «диалектической» противоположности предложений, составляющих антиномию, в нем используется слишком сильное допущение «мир не существует сам по себе». А это нежелательно по двум причинам: 1) то объяснение, к которому стремится Кант, можно дать и без этого (произвольного) допущения; 2) если принять это допущение, то становится тривиальным следующее доказательство, которым Кант очень гордился. «Если мир есть само по себе существующее целое, то он или конечен, или бесконечен. Но как первое, так и второе положения ложны (согласно приведенным выше доказательствам антитезиса, с одной стороны, и тезиса — с другой), следовательно, ложно также и то, что мир (совокупность всех явлений) есть

само по себе существующее целое. Отсюда в свою очередь следует, что явления вообще вне наших представлений суть ничто, что мы и хотели выразить трансцендентальной идеальностью явлений» (3, 461). На деле у Канта один из основных выводов «Критики чистого разума» вовсе не есть следствие разрешения антиномии, а просто сформулирован в качестве независимой посылки.

Несмотря на отмеченный недостаток, предложенное Кантом разрешение первой антиномии (антиномий вообще) имеет важное логико-методологическое значение; в собственно логическом плане оно не зависит от тех допущений, которые Кант использовал. Это значение можно, думаем, охарактеризовать следующим образом, указывающим при этом и выход из антиномии. Если тезис и антитезис относить непосредственно к миру самому по себе, или если считать их некоторой абсолютной (полной) характеристикой этого мира, то антиномия возникает. Но если тезис и антитезис считать просто элементами нашего описания мира, то из возможности одинаково убедительного их доказательства следует только неполнота наших представлений о мире (в том смысле, что ни одно из наших доказательств не является достаточным — мы еще не все знаем о мире).

При этом Кант вплотную подходит, как мы полагаем, к осознанию следующих важных методологических принципов построения науки, у которых ныне много сторонников: 1) ученый не делает логических выводов из явлений, он выдвигает гипотезы для их объяснения; 2) объяснение явлений гипотезами неоднозначно; в принципе всегда можно дать различные (и даже противоположные) объяснения одному и тому же явлению (совокупности явлений); 3) число таких возможных объяснений бесконечно; имеются ситуации, когда все предложенные объяснения (в том числе пара противоположных объяснений) ложные, и надо искать новые.

В тексте «Критики чистого разума» можно найти, думаем, все эти принципы, кроме второй части первого: Кант подозрительно относился к гипотезам. По его мнению, «все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть пущен в продажу, а должен быть изъят тотчас же после обнаружения» (3, 77).

Это, на первый взгляд, незначительное обстоятельство привело Канта к абсолютизации статуса «необходимых истин» и в конечном счете — к его знаменитой, но ложной концепции априорной формы знания. Действительно, уже во Введении к «Критике чистого разума» мы читаем: «Опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только основную и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что это должно, собственно, означать следующее: насколько нам до сих пор известно, исключений из

того или иного правила не встречается. Следовательно, если какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, т. е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, а есть безусловно априорное суждение» (3, 107). Кант не обратил внимания на то, что если некоторое суждение считается необходимо истинным, то утверждение о его необходимости само есть некоторая гипотеза, которая в ходе дальнейшего изучения или должна быть подтверждена, или оставлена как необоснованная.

С нашей точки зрения, негативное отношение Канта к гипотезам, идущее, вероятно, от рационализма XVII в., психологически объясняет многие характерные черты «Критики чистого разума». Кант не согласился с тем, что основу нашего знания составляют утверждения, для которых нет полных исчерпывающих доказательств и которые представляют собой всего лишь более или менее обоснованные гипотезы, и что развитие знания состоит не в прямой констатации необходимых утверждений, а в переходе от менее обоснованных утверждений к более обоснованным, ни одно из которых не необходимо (в том смысле, в каком этот термин понимал Кант). Находя такое состояние знания неудовлетворительным, Кант стремился к необходимым (и потому по форме своей априорным) основоположениям, предполагающим (полное) отделение «явлений» от «вещей в себе». Тем самым он лишил себя возможности верно понять значение своего собственного глубокого разрешения антиномий, предложенного им в «Критике чистого разума».

Канту казалось, что предложенное им разрешение антиномий дает доказательство «трансцендентальной идеальности явлений». Оно, конечно, такого доказательства не давало. В наших глазах, это решение Канта было в плане логики одним из важных шагов на пути осознания принципа «множественности объяснений», без которого нельзя представить методологию современной нам науки.